

На правах рукописи

МАЛЗУРОВА Сэсэгма Даша-Нимаевна

**МИФО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ПРОЗЫ
НАРОДОВ СИБИРИ И СЕВЕРА 60-80-х гг. XX ВЕКА**

Специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ – 2015

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель: **Гармаева Светлана Искровна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Хазанкович Юлия Геннадьевна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Дугаров Баир Сономович
доктор филологических наук, доцент,
ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения РАН

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»**

Защита состоится «24» апреля 2015 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.022.04 при ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» по адресу: <http://www.bsu.ru>

Факс: (3012)210588

E-mail: dissovetbsu@bsu.ru

Автореферат разослан «20» марта 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жорникова М.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Функционирование фольклорно-мифологических образов, мотивов, сюжетов и других элементов устнопоэтического творчества в литературных произведениях позволяет поставить ряд вопросов о герменевтическом сходстве и различии и их типологии в создании писателями национальной картины мира, художественном изображении традиционного уклада жизни и быта народов Сибири в сопоставлении с народами Севера.

Несмотря на многообразие национальных условий, разнообразие социально-исторических и культурных истоков, разные уровни развития процессов в каждой из литератур, объединяющим началом в них выступает богатый опыт обращения и освоения фольклора своего народа. И каждая национальная литература накопила здесь собственный опыт, свою историю их осмысления и трансформации. Мы полагаем, что объединяющим началом как в бурятской литературе, так и в литературах народов Севера, куда мы включаем и литературы народов Дальнего Востока, является обращение к мифо-фольклорным истокам как к одной из возможностей обогащения художественно-эстетической системы в авторском литературном творчестве. При этом определенная идейно-художественная близость литератур обусловлена историко-этническими особенностями их развития, сходством в основных этапах становления и развития, практически однотипным тематическим и жанровым становлением, использованием средств фольклорной поэтики – все это дает возможность их типологизации, особенно при анализе фольклорных образов и мифологических сюжетов в национальной прозе.

Необходимо отметить, что использование фольклорных моделей в структуре художественного текста в бурятской литературе имеет свои отличительные особенности в сравнении с другими сибирскими, с северными литературами. Известно, что с точки зрения развития кириллической письменности бурятская литература представляет собой «младописьменную» литературу, но имеет при этом достаточно богатую литературную традицию в создании произведений на старомонгольском алфавите. Литературы же других народов Си-

бири, Севера относятся к «новописьменным», что отмечал В. Ц. Найдаков: «...неправомерно объединять одним термином «младописьменные» такие различные общественные явления, как относительно молодые литературы, появившиеся на рубеже XIX–XX веков (казахская, чувашская, якутская, бурятская и т.д.), и литературы, совершенно новые, родившиеся в условиях социалистической действительности (чукотская, нивхская, эвенкийская и др.)»¹.

Степень разработанности проблемы. Проблеме взаимосвязи литературы и фольклора посвящены различные исследования в области отечественного литературоведения и фольклористики: «История русской фольклористики», «Статьи о литературе и фольклоре» М. К. Азадовского; «Роман и фольклор», «Устная эпическая традиция во времени (историческое исследование поэтики)» В. М. Гацака; Проблемы развития советского многонационального романа в 70-80-е годы (динамика жанра в контексте взаимодействия литератур) К. К. Султанова; «К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» (проблема фольклоризма в литературе)» А. А. Горелова; «Проблемы фольклора в эстетике», «Проблема «литература и фольклор» в работах Э. В. Померанцевой» В. Е. Гусева; «Изучение отношений литературы к фольклору» Л. И. Емельянова; «Фольклор и литература (проблемы их исторических взаимоотношений в русской фольклористике)» А. М. Новиковой; «О некоторых проблемах фольклоризма советской литературы» Б. Н. Путилова; «Литература и фольклор: теоретические аспекты» У. Б. Далгат; «Литература народов Севера» А. В. Пошатаевой и др. Данная проблема является одной из актуальных проблем литературоведения и фольклористики и на современном этапе.

В условиях активизации религиозоведческих, антропологических, мифологических подходов к художественной литературе интерес к проблеме фольклоризма все более активизируется. Исследования в данной области существенно дополнили диссертационные работы: «Фольклоризм прозы Ф. А. Абрамова 1970–1980-х годов: характер,

¹ Найдаков В. Ц. Традиции. Проблемы культурного наследия // Традиции и новаторство в бурятской советской литературе. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – С. 57.

эволюция, типы заимствований» А. Н. Чухланцевой; «Фольклоризм прозы Потанина» Н. Е. Украинцевой; «Фольклоризм русского исторического романа рубежа 1820–1830-х гг. М. Н. Загоскин и Н. А. Полевой» М. А. Горбатова; «Фольклор и литература в контексте “третьей культуры”» В. А. Поздеева; «Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века» Л. Н. Скаковской и др. Данные труды значительно расширили представления о фольклоризме в литературе, сущности взаимосвязи фольклорных истоков с литературной традицией.

В бурятском литературоведении проблемы фольклора и литературы исследованы в работах В. Ц. Найдакова, А. Б. Соктоева, Ц. А. Дугар-Нимаева, Г. О. Туденова, Н. О. Шаракшиновой, А. И. Уланова, в которых анализируются место и роль устного народного творчества в становлении и развитии бурятской литературы. Теме фольклоризма бурятской прозы посвящены работы исследователей С. И. Гармаевой, С. Ж. Балданова, Б. Д. Баяртуева и других, где рассматриваются фольклорные традиции, нашедшие свое творческое осмысление в создании эпических жанров, особенно романного повествования.

Исследователь северной литературы О. К. Лагунова отмечает, что связь новописьменных литератур Севера с фольклором не только «фиксировалась специалистами, но и изучалась в качестве главного пути к постижению своеобразия этих литератур и конкретных текстов их мастеров»². У коренных народов Севера и в настоящее время отмечается естественное и преобладающее бытование мифологии и фольклора, поэтому обращение к фольклору писателей-северян продиктовано тем, что устное народное творчество является одним из активных способов не только художественного, но и бытового мышления. Изучению фольклоризма литератур народов Севера посвятили свои труды А. В. Пошатаева «Литературы народов Севера», А. В. Ващенко «Так рождаются мифы», Е. С. Роговер «Литература народов Севера», В. Б. Огорокова «Юкагирский ро-

² Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: – СПб., 2008. – С. 14.

ман», В. В. Огрызко «В столкновении нового и старого», «В сжимающемся пространстве», Н. В. Цымбалистенко «Север есть Север», О. К. Лагунова «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века», Ю. Г. Хазанкович «Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера» и др. А. В. Пошатаева в работе «Литературы народов Севера», изучая особенности развития литератур этих народов, приходит к выводу о том, что история становления литератур народов Севера представляет собой процесс разностадиального, разнохарактерного перехода художественного сознания от фольклорного типа мышления к литературному, и такая «стадиальная» особенность северных литератур во многом определяла специфичность их содержания³. Подчеркивается, что устное народное творчество является основным в понимании национальной культурной традиции.

Ю. Г. Хазанкович продолжила исследования А. В. Пошатаевой в монографии «Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера», в которой рассмотрела мифологию народов Севера в их родовых отношениях и отношениях между человеком и природой, особое внимание уделив проблеме трансформации и адаптации фольклора в национальной прозе. Исследователь приходит к выводу о том, что «у народов Севера мифология не столько мир прообразов, сколько образ жизни. Мифология как ступень сознания не изжила себя у них»⁴.

Таким образом, имеющиеся работы представляют собой исследования отдельных аспектов развития национальных литератур, однако, еще нет работ системного комплексного анализа произведений литератур народов Сибири в контексте с литературой Севера и Дальнего Востока (в дальнейшем будем называть их «северные писатели»). В особенности это касается осмысления философских основ фольклора и эстетических функций мифопоэтики в идейной и тематической структуре произведений. Комплексное исследование произведений бурятских прозаиков и северных писателей, творче-

³ Пошатаева А. В. Литературы народов Севера. – М., 1988. – С. 25.

⁴ Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 8.

ски осваивающих фольклор, его национальные мифологические, мировоззренческие представления, факторы народной культуры, особенности этнического уклада жизни, обычаи и традиции с целью создания реалистической художественной картины, позволяет по-новому оценить творчество писателей 60–80-е гг. XX века, выявить новые грани их художественной интерпретации. Этим обуславливается **актуальность** исследования.

Объектом исследования является идейно-художественная структура национальной прозы народов Сибири и Севера 2-й половины XX века.

Предмет исследования: особенности художественного осмысления и отражения мифо-фольклорных истоков прозы в литературах Сибири и Севера 60–80-х гг. XX в.

Материал для исследования: романы А. А. Бальбурова «Поющие стрелы», Ц. Р. Галанова «Мать-лебедица», Д. О. Эрдынеева «Аргамак ищет хозяина», повесть Б. Н. Ябжанова «Куда ускакал конь», романы Г. Г. Ходжера «Амур широкий», С. Н. Курилова «Ханидо и Халерха», В. Н. Санги «Женитьба Кевонгов», повесть Ю. С. Рытхэу «Когда киты уходят», в которых определяются роль и место фольклорно-мифологических компонентов при структурировании прозаических текстов. Для анализа творчества Цырена Галанова и Доржи Эрдынеева нами сделан дословный перевод с элементами художественного перевода их произведений «Хун шубуун» («Мать-лебедица») и «Хүлэг инсагаална» («Аргамак ищет хозяина») с бурятского языка на русский.

Цель: определить специфику художественного проявления мифо-фольклорного мировоззрения в творчестве национальных писателей Сибири и Севера.

В соответствии с данной целью предполагается решить следующие **задачи:**

- определить роль мифомышления в системе художественного творчества;
- определить сюжетно-композиционную роль обрядов и ритуалов в литературах Сибири и Севера;
- проанализировать особенности авторской интерпретации мифов и легенд в литературах указанных народов;

- определить особенности художественного освоения традиционного культа шаманов в содержательной структуре прозы;
- выявить определяемое мифосознанием своеобразие образной системы в творчестве бурятских и северных писателей.

Методологической базой и теоретической основой исследования являются труды В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, В. М. Гацака, А. П. Аникина, А. А. Горелова, Л. И. Емельянова, Д. Н. Медриша, В. К. Соколовой, Н. А. Криничной, В. Ц. Найдакова, С. И. Гармаевой, С. Ж. Балданова, А. В. Пошатаевой, К. К. Султанова, Ю. Г. Хазанкович и др., в которых рассматриваются сложные взаимоотношения литературы и устного народного творчества, особые функции фольклора, фольклорно-этнографических элементов в художественном тексте.

В ходе диссертационного исследования были использованы сравнительно-сопоставительный, описательный, герменевтический **методы**, которые позволили выявить фольклоризм литературных произведений, сходство и различие в особенностях его проявления в каждом из анализируемых произведений, определить своеобразие авторской интерпретации фольклорного материала и элементов народной культуры и быта.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В литературах Сибири и Севера 60–80-х гг. XX в. мифосознание тесно связано с обрядом и ритуалом, что позволяет говорить о мифо-ритуальном комплексе, который находит свое выражение прежде всего в фольклоре, а затем и в литературе.
2. Обряды и ритуалы становятся стержнем сюжетно-композиционной структуры произведений А. Бальбурова, Ц. Галанова, В. Санги, С. Курилова.
3. Своеобразие образной системы в произведениях А. Бальбурова, Д. Эрдынеева, Б. Ябжанова и С. Курилова во многом определяется художественной логикой мифа.
4. Мифы, легенды, предания, заключающие в себе уникальность национальной идентичности и самосознания народа, в художественных текстах А. Бальбурова, Ц. Галанова, Ю. Рытхэу и С. Курилова выполняют нравственно-эстетическую функцию и связаны с

отражением мудрости, морали народа по отношению к природе-матери, дому, самому себе.

5. Осмысление мифо-фольклорных истоков бурятской художественной литературы и литератур народов Севера способствует раскрытию и пониманию глубинных философских сторон, жизни народов, их общечеловеческих духовных проблем на современном этапе.

Научная новизна работы состоит в комплексном изучении прозы сибирских и северных писателей, что позволило выявить в них как специфические особенности проявлений мифо-фольклорных истоков, так и их определенную общность.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении своеобразия отражения мифо-фольклорных традиций в творчестве бурятских писателей и представителей литератур народов Севера: нанайской, нивхской, чукотской, юкагирской, – при создании художественных произведений и определении их герменевтической природы. Это позволит определить новые пути и грани в сравнительном изучении данных литератур – исследование мифоритуального комплекса в прозе, особенностей образной системы в системе персонажей произведений, функций мифов и легенд в поэтике прозы Сибири и Севера, позволяет, актуализируя новые принципы изучения, восполнить пробелы в исследовании творчества национальных писателей.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы при изучении истории национальной литературы, при создании учебно-методических пособий по фольклору и литературе для общеобразовательных школ и вузов, спецкурсов по фольклоризму национальных литератур.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационная работа посвящена исследованию бурятской прозы 60-80 гг. XX века на примере творчества Африкана Бальбурова, Цырена Галанова, Балдана Ябжанова, Доржи Эрдынеева в контексте сибирских и северных литератур, выявлению в их произведениях мифо-фольклорных истоков. Полученные результаты соответствуют формуле специальности 10.01.02 – литература народов Рос-

сийской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская) (филологические науки), пунктам 5 и 6 области ее исследования.

Степень достоверности и апробация результатов исследования подтверждена публикациями, в которых отражено основное содержание работы. По теме диссертационного исследования опубликовано 9 статей, в том числе 4 статьи в ведущих рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации: «Вестник Бурятского государственного университета» (Улан-Удэ, 2011), «В мире научных открытий» (электронный журнал, 2011), «Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург, 2011), «Гуманитарный вектор» (Чита, 2012).

Основные положения и результаты исследования были представлены в виде устных докладов, тезисов статей на научных и научно-практических конференциях международного, всероссийского, регионального, университетского уровней: региональной научно-практической конференции «Новая философия образования: традиции и современность», посвященной 90-летию профессора Ивана Александровича Батудаева (Улан-Удэ, 2011); всероссийской научно-практической конференции «Языковое пространство города» (Улан-Удэ, 2010); международной научной конференции «Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе» (Улан-Удэ, 2012); международного заочного научного симпозиума «Генеалогическая культура бурят: современный научно-образовательный дискурс» (Улан-Удэ, 2009). Апробация основных положений работы прошла на расширенном заседании кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета, на международных и региональных научно-практических конференциях.

Структура работы. Диссертация объемом 157 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, литературы, которая состоит из 209 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертационного исследования дается анализ степени разработанности проблемы научной темы, обосновывается ее актуальность, выбор проблемы изучения, раскрывается новизна, а также определяются цель, объект, предмет, задачи работы, теоретико-методологические принципы и основы, раскрывается ее теоретическая и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Роль мифосознания в процессе формирования искусства художественного слова»** рассматривается процесс функционирования фольклорно-мифологических истоков, мифоритуального комплекса в литературном тексте, что позволяет прийти к определенным выводам и заключениям: мифологическое сознание является активно действующей концепцией в творчестве национальных писателей Сибири и Севера.

Исследование мифо-фольклорных истоков произведений бурятской литературы и литературы народов Севера позволило выявить специфику художественного мира каждого из писателей. Осознание и осмысление основ народной культуры при отражении действительности в литературе показало, что мифо-фольклорные истоки являются составной частью творческого метода бурятских и северных писателей, которые позволяют ставить и решать философско-эстетические вопросы как глобального масштаба, так и индивидуального характера, проблемы духовного и нравственного поиска человеком смысла жизни.

В первом разделе первой главы **«Миф во взаимодействии фольклора и литературы»** раскрывается взаимосвязь мифологического сознания с фольклором и литературой.

Обращение литератур Сибири и Севера к национальным мифо-фольклорным истокам является постоянно действующей величиной, обусловленный неразрывностью связей в данном ареале между художественной литературой и устным народным творчеством. Мифологию и фольклор рассматриваем как «генетическую общность»: фольклор развивается из мифологии и обязательно содержит

в том или ином виде мифологические элементы»⁵. Несмотря на относительную схожесть в истории своего развития, данные литературы имеют и отличительные особенности в мифо-фольклорно-литературных связях, которые выражаются в специфике мифологического мышления, бытийных реалиях описываемых народов.

При этом необходимо подчеркнуть, что обращение литературы народов Севера и Дальнего Востока к мифопоэтическим истокам имеет естественно-стихийный характер в отличие от бурятской литературы, в которой писатели используют мифо-фольклорные элементы (образы, легенды, предания, мифы, сюжеты) с определенной трансформацией их содержательности. Литературы Севера, появившиеся сравнительно поздно и считающиеся «новописьменными», по определенным социально-историческим причинам имеют более тесные связи с устным народным творчеством, как с мировоззренческой категорией сознания народа, проявляющейся в его жизненных ситуационных реалиях и сегодня.

Проблема взаимодействия литературы и фольклора в национальных литературах всегда была актуальной. В основном проблема взаимодействия литературы и фольклора рассматривалась в разных аспектах: работы В. Гацака «Пространство этнографических констант», У. Далгат «Литература и фольклор», Х. Короглы «Трансформация жанра тайгук» и др. В. М. Гацак считает, что «вопрос о значимости фольклора для литературного процесса и вообще для современного человека самой реальностью преобразуется в вопрос об эстетических, духовных, нравственных ресурсах и ценности народно – поэтического наследия»⁶. А. Кунанбаева, исследователь музыкального эпоса кочевых народов, полагает, что на фольклорной основе держится вертикальная ось традиции – историческая память этноса, его историческое самосознание и живая передача нравственного назидания, то есть духовный остов всей культуры.

⁵ Орус-оол С. М., О. Б. Грязнова. Мифофольклорный текст в бурятской прозе второй половины XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2012. – Спец. вып. [1] А. – С. 168.

⁶ Гацак В. М. Фольклорное наследие народов СССР – достояние новой социальной и интернациональной общности // Фольклорное наследие народов СССР и современность. – Кишинев, 1984. – С. 11.

Мифологическая поэтика позволяет писателю раскрыть содержание произведений в его национальной специфике и своеобразии, и в этом смысле работа над художественностью произведения при использовании фольклорно-мифологических воззрений особенно ярко и убедительно проявлялась в творчестве таких прозаиков, как С. Н. Курилов, В. М. Санги, А. А. Бальбуров. Показанная ими тесная связь человека с духовным миром предков способствует изображению глубин народного мышления. Творческая работа с традициями дает писателю возможность расширить эстетические границы художественного мира, погрузиться в психологическую глубину изображаемых образов, «когда в результате трансформации фольклорно-поэтические модели и образы становятся более сакральными и философски наполненными и значимыми»⁷. При создании художественных произведений писатели стремятся по-новому осмыслить своеобразие культуры и мировоззрения народа, но в поэтизации и эстетизации литературного процесса по-прежнему значительна духовная роль опыта предков, традиций их жизни.

Во втором разделе первой главы **«Художественная семантика и роль обрядов, ритуалов жизненного цикла в сюжетно-композиционной структуре произведений А. Бальбура, Ц. Галанова, В. Санги, Г.Ходжера, С. Курилова»** рассматриваются художественная семантика и роль обрядово-ритуального комплекса жизненного цикла в сюжетно-композиционной структуре произведений бурятских писателей А. Бальбура и Ц. Галанова и северных писателей С.Курилова, В. Санги и Г. Ходжера. Выявлено, что мифо-фольклорные элементы (обряды, ритуалы) становятся стержнем сюжетно-композиционной структуры произведений, играют важную роль в раскрытии как индивидуальной, так и народной судьбы. Фольклорно-мифологическая эстетика в национальной прозе, национальные жизненные циклы функционируют в художественном произведении в виде мифо-фольклорных обрядов и ри-

⁷ Гармаева С. И., П. В. Сивцева-Максимова. Этнопоэтическое единство национальных литератур Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 10 – С. 154.

туалов: обряда свадьбы, испытания невесты огнем, тайлгана в романе А. Бальбурова, обоо тахилгаан, сватовства и похорон в романе Ц. Галанова, оберега новорожденного от злых духов и инициации в романе В. Санги, похорон в романе С. Курилова, создания национальной картины мира и традиционного уклада в образе жизни нанайца в романе Г. Ходжера (родовой уклад жизни, законы совместного рыболовства, жизнедеятельности). В обрядах и ритуалах, их синкретизме писателей привлекает фольклорно-мифологическое богатство смысла. При создании художественно-эстетической системы литературы мифологические образы, обряды, этнографические реалии, художественно переосмысливаясь и трансформируясь, становятся активной поэтикой, обретают новый содержательный художественный смысл.

Во второй главе **«Поэтика мифа в прозе Сибири 60-80 гг. XX века»** выявляются особые функции художественной семантики мифа, как несущего вечные, непреходящие ценности и представления о жизни. В этом контексте значительная роль, по нашему мнению, принадлежит традиционному образу шамана, противоречивую природу образа которого мы стремились представить.

В первом разделе второй главы **«Миф в контексте проблематики романа А. Бальбурова «Поющие стрелы»** раскрываются и определяются функции мифологических истоков в творчестве бурятского писателя. Мифы и легенды в романе А. Бальбурова являются частью повествовательной структуры, обогащая его творчество эстетическим и философским содержанием, углубляя идейное содержание прозы.

Легенда о «поющей стреле» в композиции романа позволяет прийти к пониманию ценностей истинных и мнимых не только главному герою романа. Философия самого автора, много размышляющего над сложным комплексом аксиологических проблем, способствует извлечению из содержательного смысла легенды и актуализации в романном повествовании мысли о роли и силе личности, ее ответственности, умении сострадать и понимать глубинное, сакральное начало, пока не лежащее на поверхности в реальной жизни. Как художник и создатель идеологии своего времени, Бальбуров это время опережал – такие возможности давала ему легенда в

структуре романа. Как мы уже отметили, легенды, вписываясь в художественную ткань произведения, актуализируют его проблемы, они, становясь неотъемлемой частью литературного повествования, художественного текста, обогащают его содержание новыми смыслами, взаимодействуя своим чудодейственно сказочным с житейски реалистичным, что в синтезе создает стилистику национального повествования в ее определенной образности и своеобразии при создании национальной картины мира бурята.

Во втором разделе второй главы «**Мифо-фольклорная основа романа Ц. Галанова “Мать-лебедица”**» определяются роль и функции мифо-фольклорной основы романа «Мать-лебедица» бурятского писателя Ц. Галанова.

Легенды и предания в романе Ц. Галанова входят в художественную ткань произведения, акцентируя внимание на основных проблемах в романе. Они, так же становясь неотъемлемой частью художественного произведения, придают его содержанию новые смыслы и оттенки, органично взаимодействуя с основным романским сюжетом.

Писатель, прибегая к такому приему, как введение в повествовательную ткань произведения соединенных воедино легенды, предания о Хоредое, предания о Бальжан хатан, предания о Бабжа-Барас баторе, расширяет границы изображения борьбы между добром и злом, созиданием и разрушением. Характерно то, что данные предания не выделяются в повествовательном процессе, а как бы органично соединяют происходящее с тем, что было в жизни и в ее иррационально-мифологическом отражении. Но реалистическая сила воздействия их на героев заставляла задумываться над судьбой народа, связывать прошлое с настоящим. Таким образом, «с помощью легенды писатель раскрывает одновременно и особенности уклада жизни народа, его специфическое национальное своеобразие, душевное и психологическое состояние героев, создает необходимый фольклорно-этнографический контекст в произведении»⁸.

⁸ Балданов С. Ж. Общность литератур народов Сибири (Бурятия, Тыва, Якутия). – Улан-Удэ, 2001. – 151 с.

Введенный писателем в композиционную канву произведения фольклорный материал несет на себе особую по значимости содержательную нагрузку, позволяя соединить происходящее с прошлым и будущим, легендарное сказочное с реальным историческим. Предания, отражая прошлое в жизни бурят, сближают образы народных заступников с образами героев романа идеей народного единения. Философская глубина фольклорных произведений позволила писателям художественно выразить идею неразрывности поколений, осознанию героями их сопричастности к народной судьбе, ответственности за его будущее.

В третьем параграфе второй главы **«Авторское осмысление традиционного культа шаманов в литературах Сибири»** рассматривается общность в поэтике изображения традиционного культа шаманов и его образа в литературах Сибири. Одним из глубинных проявлений мифологического сознания, структурирующих художественную сюжетно-образную форму произведения, являются образ и культ шамана и идеология шаманизма в жизни народов Сибири и Севера. Художественная интерпретация образа шамана у бурятских писателей является неоднозначным и сложным: с одной стороны, он представлен в обличительной форме с негативной оценкой автором, но с другой стороны – на психологическом уровне в восприятии простым человеком образ шамана не раскрывается до конца как обманщик и шарлатан, оставляя за собой право на некоторую таинственность и скрытый смысл, словно предупреждает о возможности наличия у него затаенного дара воздействовать на сознание человека, восприятие им происходящего.

Религиозные воззрения шаманизма северных народов сделали активными в типажной картине литературы образ шамана как одного из идеологов духовной жизни народа. При этом писатели стремились показать и процесс преодоления канонов родового сознания. Как отмечает исследователь-фольклорист М. В. Пурбуева: «жизненный путь шамана вписывается в выявленную известным мифологом Джозефом Кэмпбеллом общую типологию «путешест-

вий героев» – воинов, правителей, целителей, святых и мудрецов»⁹. Многие исследователи полагают, что шаманов можно считать исторически первыми в ряду героев человечества, кто, одержав победу над человеческой ограниченностью, раздвинул для людей горизонты знаний. По общепринятому мнению, шаманы были непосредственными предшественниками наиболее важной для современного человека категории героев – людей, указавших потомкам пути пробуждения, пути реализации заложенных в человеке способностей.

Юкагирский писатель С. Курилов, будучи в реальной жизни сыном последнего одульского алмы (шамана – юкагир.), многое знал и понимал в северном шаманизме, что помогло ему впоследствии, когда он стал писателем, в выведении ярких шаманских образов в своем романе «Ханидо и Халерхо». Так, в развитии художественного повествования участвует сразу несколько шаманов, представляющих разные народности: юкагиров, якутов, чукчей, соседствующих и живущих на общей территории. В романе автор отразил «мифологическое сознание своего народа, у которого жизнь и сказка переплетены воедино»¹⁰.

У С. Курилова образы шаманов полифункциональны и дают возможность выстраивать сюжетные линии в структуре романа, способствуя раскрытию не только главных героев, но и других персонажей романа. С одной стороны, образ шамана в романе представлен как идеал человека, которому юкагиры верят безоговорочно и преклоняются перед ним, с другой стороны – писатель, изображая различные образы шаманов, развивает мысль о том, что истинных целителей людей от болезни, врачевателей, избавителей от грозящих бед, связанных с потусторонними силами, настоящих шаманов, мало.

С. Курилов показывает, что роль шаманов в жизни юкагирского народа была очень существенной, формируя сознание народа, его культурные ценности. Своими предсказаниями, камланиями они вселяли в души людей успокоение и уверенность в положительном

⁹ Пурбуева М. В. Образ героя в обрядовой сказочной прозе // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – Вып. 10. – С. 266.

¹⁰ Окорокова В. Б. Юкагирский роман. – Якутск: Ситим, 1994. – 55 с.

исходе многих сложных моментов в жизни, создавая дополнительные возможности выживания, формируя самосознание народа в целом. Не случайно столь яркие образы шаманов: старик Сайрэ, старуха Тачаны (искаж. от рус. Татьяна) и «целитель душ» Токио. Портрет могущественного шамана Токио создается целым комплексом художественно-изобразительных и выразительных средств, когда описание формы лица, губ, глаз сводятся к сравнению с феноменом северного сияния, которое должно подчеркнуть уникальность его шаманской силы, чтобы оправданным было ощущение, создаваемое писателем, – настоящий шаман-это тот, про которого в народе говорят: «он волшебными словами исцелял умирающих, а тех, кто оскорблял его, заставлял падать и стонать от боли». Так, одно из воплощений шамана Токио в романе – это уважаемый и признанный всеми мудрый человек, несмотря на возраст, имеющий большое влияние среди своих сородичей.

В романе «Ханидо и Халерха» показ влияния шамана на сознание народа, на жизнь людей и взаимоотношения их друг с другом, с природой составляет одну из основных художественных задач. Писатель понимает, что мифологическая идеология шамана с его космическими пространственными представлениями может расширить, обогатить познание мира человеком. Мифологические миры (верхний, средний, нижний), в которые, судя по языческим верованиям, может проникать шаман, предоставляют романному повествованию определенную сюжетную широту в изображении мира и его восприятии простым юкагиром.

Что касается бурятского писателя А. Бальбурова, роман которого «Поющие стрелы» вышел в свет в 1961 году, то на изображение этого важного представителя национальной жизни определенное влияние оказала советская государственная политика. Частично автор проводит мысль об изживании шаманизма, доказывает несостоятельность многих действий шамана Пилу, построенных на обмане людей, на корыстных помыслах и на личной выгоде. Образ шамана Пилу представлен как отрицательный образ через восприятие Ондре, мужа больной женщины Магрины. Перестав быть служителем народа, целителем, настоящим представителем шаманской силы, Пилу начинает извлекать для себя выгоду из страданий про-

стых людей, преследует корыстные цели. Африкан Бальбуров в лице шамана Пилу создал определенный типаж человека, пользующегося темнотой и невежеством сородичей, под прикрытием шаманской неприкосновенности вводящего в заблуждение этих несчастных.

Образ шамана у Бальбурова при всей противоречивости его функций в жизни народа имеет и свой, наполненный смыслом характер: мифо-фольклорный образ шамана отражался в сюжетной картине для показа тяжелой жизни и невежества человека в ней, начавшихся сомнениях о силе шаманской репутации, когда понятие «шаман-всевластный посредник между миром людей и миром духов» может оказаться непрочным и быть разрушенным самим представителем веры.

Третья глава носит название **«Функция мифа в структуре произведений писателей Сибири и Севера»**. В данной главе определяются функции и роль мифов и легенд, художественная семантика образов в структуре романа «Аргамак ищет хозяина» Д. Эрдынеева, повести «Куда ускакал конь» Б. Ябжанова, романа С. Курилова «Ханидо и Халерха» и повести Ю. Рытхэу «Когда киты уходят».

В первом разделе третьей главы **«Мифологические образы и мотивы в структуре романа С. Курилова «Ханидо и Халерха»** раскрывается мифологическая основа художественного произведения, где имена собственные, их ономастическое значение в романе «Ханидо и Халерха» используются автором как средство раскрытия национального характера и колорита суровой северной жизни. Онимы, тесно связываясь с идейно-композиционной структурой романа, несут в себе определенную смыслообразующую нагрузку, характеризующую как главных героев (Ханидо, Халерха, Куриль, Сайрэ, Пайпэткэ, Пурама, Нявал, Хуларха), так и второстепенные персонажи. Поэтому так важно для Курилова ономастическое пространство, его мифологическая значимость.

Название юкагирской дилогии «Ханидо и Халерха» переводится на русский язык как «Орленок и Розовая чайка» (розовая чайка – птица редкая и необычной красоты встречается только в низовьях Индигирки и Колымы в Якутии). Имена главных героев, их мифологические значения указывают на живые еще традиции восприятия

юкагирских фольклорно-мифологических сюжетов. Постоянными анималистическими героями фольклора и персонажами мифологических представлений у коренных народов Севера являлись чайка (у юкагиров розовая чайка), орел, ворона, медведь и другие животные. Именно образы птиц, как популярных персонажей устного народного творчества юкагиров, связаны с представлениями народа о добре и зле, о жизни и смерти и др.

Легенда о человеке, который в поисках своего счастья отказывается ждать, служит раскрытию основной идеи произведения. Однако еще один смысловой компонент легенды нужен здесь автору – ему нужна «чудодейственная» поэтика легенды о выжившей девочке, катарсис воскрешения которой, как решили сородичи, вызвал преждевременное рождение мальчика, ее будущего мужа и богатыря. Так, чудо легендарное сходится с чудом жизненным, вполне правдивой ситуацией потрясения и рождения реального в будущем богатыря Ханидо. Автору нужен этот созидающий эффект, идущий от легенды, чтобы сюжетно оправдывался факт необычного рождения не совсем обычного человека, созданного в мечтах жителями юкагирского стойбища. Такая тесная, практически неразделимая связь были-сказания со сказочным в жизни завершается соединением возможного с невозможным, но произошедшим в реальности, – девочка, несмотря ни на что, выжила, потому что рана была защита оленьими жилами (очень прочные нити с лечебным эффектом). Это гармоничное вращение мифологического в реальное, их своеобразная конвергенция придает особую устойчивость главной идее романа, создаваемой в нем национальной картине мира. Все у этого писателя сошлось и соединилось в метафорической поэтике легендно-сказочного и традиционно-реального, такое их тесное сплетение должно показать особую зависимость жизни стойбища от жизни каждого в нем – и трудность достижения такого понимания.

В романе «Ханидо и Халерха» приведена легенда о реке Колыма, с которой очень тесно связана жизнь северных народов. К глубокому красочному значению легенды о реке Колыма С. Курилов обращается, чтобы показать смысл жизни во всех ее проявлениях. «Величественная река открылась сразу во всю ширину: где у нее начало, а где конец – об этом даже страшно было подумать. <...>. В не-

возмутимом спокойствии спала Кулума подо льдом. Однако по берегам ее возвышались огромные черные скалы – и было что-то за-таенное, сокрытое холодом и тишиной в этом ее молчаливом величии. Олени сами собой остановились, а люди встали с нарт, и каждый замер на месте».

Таким образом, мифы и легенды в романе «Ханидо и Халерха» становятся частью повествовательной структуры романа, придавая ему философскую глубину. О роли фольклоризма в отражении истории народа, который не имел письменности, говорил сам С. Курилов: «Мифы, легенды, предания, фольклор – это посох, который не отбросишь. Часто он уводит дальше любых других свидетельств»¹¹.

Во втором разделе третьей главы **«Образы животных в художественной структуре произведений Б. Ябжанова, Д. Эрдынеева, С. Курилова»** рассматривается образ коня в произведениях Б. Ябжанова и Д. Эрдынеева как целостный, художественно самостоятельный образ, раскрывая особую связанность фольклоризма при создании национальной картины мира в произведениях, когда национальные образы мира базируются на фольклорном начале и его мифологической основе. Национальная картина мира в названной прозе обрисованная в «вещном мире» представляет особый литературоведческий интерес. В этой связи образные символы, связанные с образом коня у бурятского народа и образом оленя у юкагиров, архетипически восходящие к мифологии, приобретают культовое значение в художественном тексте. Конь для кочевника-бурята является другом и помощником, человек и конь становятся единым целым. «Без коня невысказанно представить жизнь степняка, его полное слияние с окружающим миром и пространством», – отмечает Т.Б. Баларьева. По утверждению Г. Гачева, «конь – космос кочевника, его единство, божество мироздания»¹².

Образ коня со всем многообразием его метафорических значений нашел свое художественное отражение в романе бурятского писателя Д. Эрдынеева «Армак ищет хозяина» и в повести Б. Яб-

¹¹ Курилов С. Увидимся в тундре // Полярная звезда.– М., 1976. – С. 15.

¹² Гачев Г. Национальные образы мира. – М., 1988. – С. 140.

жанова «Куда ускакал конь». В романе Д. Эрдынеева конь и в сюжетообразующей функции – это символ неразрывной связи поколений, символ преданности, дружбы. Через восприятие конем окружающей действительности, автор показал значение коня для человека, чья безмолвная преданность становится примером и для человеческих отношений.

Писатель, обращаясь к теме неразрывности связи поколений, святости и бережного отношения к старшим, вводит в художественное пространство произведений фольклорно-этнографические реалии, традиционно почитаемые бурятами-кочевниками фольклорные образы, окружающего живого мира. Описание внешнего вида коня Ошор-Хуа близко изображению эпического коня: это был красивый, грациозный, стройный скакун, знающий себе цену, с гордой осанкой. Ему не было равных ни в Удаганте, ни в самой Аге. Как подобает богатырскому коню, Ошор-Хуа прославил своего хозяина на скачках. Как известно, богатырские кони в эпических произведениях фольклора пересекают огромные пространства с космической скоростью, без труда преодолевая различные препятствия. Ошор-Хуа, подобно богатырскому коню, преодолел расстояние от Хойто-Хори до Урда-Хори за неопределенный отрезок времени, на котором автор романа сознательно не акцентирует внимание читателя. С помощью образа верного, преданного друга коня Доржи Эрдынеевым создается своеобразное нравственное мерило: такие характеристики бытия, идеи, как неизменный друг и спутник, как победитель среди равных себе, как спаситель, как символ свободы и жизни, выходят на первый план.

В названии повести Балдана Ябжанова «Куда ускакал конь» присутствует слово «конь», несущее в себе двойное значение: первое – как «конь-скакун», второе – как «конь-инструмент», то есть национальный бурят-монгольский музыкальный инструмент морин-хур, что в буквальном переводе означает «смычковый инструмент с головой лошади», название его состоит из монгольских слов: морин – лошадь, и хуур – струна, голос, который использован автором романа в таком богатом созвучии и содержательности. По Ябжанову, приручение Рыжего уподобляется освоению мастерства игры на национальном инструменте – морин-хуре. В повести образ коня

связывается, таким образом, с бурятским народным инструментом, который имел особое значение в жизни бурята: в тихие вечера отдыха от повседневной заботы, в местах привалов на охоте степняк-кочевник предавался звукам морин-хура, задушевному песням под его мелодию. Как конь всегда устремлен вперед, так и мелодии морин-хура взлетают вверх–вперед, приглашая слушателей окинуть взглядом родные просторы, подняться выше, к чему-то лучшему.

В литературах народов Севера образ оленя также выступает в роли литературного персонажа. У С.Курилова олень в системе его художественных образов является наиболее часто встречающимся и излюбленным образом. «Для писателя “олень” – образ, применимый в объяснении жизненных явлений. Олень – прежде всего мерило красоты, доброты, всего лучшего», – говорит исследователь творчества и жизни юкагирского писателя В. Б. Огорокова¹³. В романе «Ханидо и Халерха» подробно описан быт, жизненный уклад и нравы северных народов, в особенности юкагиров. Олени для них представляют огромную ценность, что осознается и писателем. Олень для юкагира – тоже космос, связующая цепь с Вселенной, окружающим миром, суровой тундрой и неприступной Арктикой, с матерью-землей. Через оленя юкагир общается с окружающей его природой и порой осмысливает жизнь.

Образ оленя в романе С. Курилова сквозной, он явлен не в его физической ипостаси, а как утвержденное образом жизни и культурой народа его символическое значение. Используется в основном в сравнениях, в характеристиках, является наиболее часто встречающимся и излюбленным образом. Семен Курилов, характеризуя старого шамана Сайрэ, сравнивает его с низкорослым чукотским оленем – каргином, за породой которого закреплена слава некрасивых, второсортных оленей. А красивый якутский шаман Токио, напротив, уподобляется дикому строптивому оленю, и этим подчеркивается «молодость, горячий нрав» шамана. Одна из героинь – юная Тиненеут, молодая жена Ниникая, сына чукотского богача, сравнивается автором с «двухлетней важенкой», и сразу становится яв-

¹³ Огорокова В. Б. Юкагирский роман. – Якутск: Ситим, 1994. – С. 93.

ленной ее нежная и влекущая красота, вызывающая восхищение у мужчин и зависть у женщин.

Образы коня и оленя в романе «Аргамак ищет хозяина» Д. Эрдыеева, в повести «Куда ускакал конь» Б. Ябжанова и в романе «Ханидо и Халерха» С.Курилова – это образы, которые связаны с материальными и духовными ценностями бурятского и юкагирского народов, вносят весомый вклад в создание национальной художественной картины мира. Образы коня и оленя в произведениях вписаны в окружающий мир, природу, Космос, Вселенную, отражают особенности национального восприятия мира.

В третьем разделе третьей главы **«Функции мифа и легенды в повести Ю. Рытхэу «Когда киты уходят»** выявляются функции мифа и легенды в современной легенде-повести чукотского писателя. В повести Юрия Рытхэу миф естественно и органично становится неотъемлемой частью повествовательной структуры художественного текста, неся на себе смысловую, нравственную нагрузку, подчеркивая и определяя своеобразие его национальной картины мира. По представлению Ю. Рытхэу, братоубийство, описанное в повести чукотского писателя, является необратимым бедствием, у Рытхэу его трагическая сущность актуализируется вечностью – море всегда будет морем, где будут его обитатели, а неотъемлемой частью моря является коса, где тоже свои обитатели, очень тесно связанные между собой.

Острота волнующей писателя проблемы природы и человека, осмысление роли народного видения заставили Ю. Рытхэу обратиться к фольклорно-мифологическим истокам культуры своего народа. Мысль о единстве природы и человека, формируя структуру художественного текста, является центральной в повести Ю. Рытхэу «Когда киты уходят».

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются выводы научной работы. В первой главе были показаны основные литературоведческие предпосылки и функциональная значимость мифологических компонентов в тексте художественного произведения, начиная с изначальных форм самого мифологического сознания, то есть обрядово-ритуального комплекса. Вторая глава позволила нам выявить особые функции художественного обраще-

ния к мифу в национальной литературе, когда миф воплощает вечные непреходящие ценности и представления о жизни. В этом контексте значительная роль, по нашему мнению, принадлежит традиционному образу шамана, противоречивую природу образа которого мы стремились представить. В третьей главе об образной системе мифологизма этих литератур мы выделили и определили роль, место образов животного мира в их символической природе и особенностях этимологии, ономастической интерпретации.

Также в заключении кратко обозначены возможные перспективы дальнейшей работы.

Список публикаций по теме диссертации

Содержание диссертационной работы представлено в 9 статьях, в том числе 4 из перечня ВАК МО и НРФ:

1. Малзунова С. Д.-Н. Обрядовый фольклор в романах А. Бальбурова «Поющие стрелы» и В. Санги «Женитьба Кевонгов» / С. Д.-Н. Малзунова // В мире научных открытий. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 11.7(23). – С. 1841–1849.

2. Малзунова С. Д.-Н. Образы шаманов в романе С. Курилова «Ханидо и Халерха» / С. Д.-Н. Малзунова // Вестник Бурятского государственного университета, 2011. Вып. 10. Филология. – С. 180–183.

3. Малзунова С. Д.-Н. Национальная картина мира в романе Г. Ходжера «Конец большого дома» / С. Д.-Н. Малзунова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Т. 1. Филология – 2011. – № 4. – С. 64–70.

4. Малзунова Л. Ц. Бурятские повествования о тотемах / Л. Ц., Малзунова, С. Д.-Н. Малзунова // Гуманитарный вектор. – 2009. – № 4(20). – С. 57–61.

5. Малзунова С. Д.-Н. Нравственный потенциал легенды о матери-лебедице в романе Ц. Галанова «Мать-лебедица» / С. Д.-Н. Малзунова // Новая философия образования: традиции и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию профессора И. А. Батудаева (г. Улан-Удэ, 5 октября 2011 года). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 242–246.

6. Малзунова С. Д.-Н. Ономастикон романа Семена Курилова «Ханидо и Халерха» / С. Д.-Н. Малзунова // Языковое пространство города : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 18 ноября 2010 г.) / М-во образования и науки РФ. – Улан-Удэ, 2010. – С. 176 – 178.

7. Малзунова С. Д.-Н. Образ шамана в поэтике романа А. Бальбунова «Поющие стрелы» / С. Д.-Н. Малзунова // Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе : сборник научных статей / М-во образования и науки РФ. – Улан-Удэ, 2012. – С. 190–193.

8. Малзунова Л. Ц. Бурятские предания – основа исторических драм Б. Барадина / Л. Ц. Малзунова, С. Д.-Н. Малзунова // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2010. – № 2 (6). – С. 96–101.

9. Малзунова Л. Ц. Генеалогия племени хонгодоров (по материалов родословной записки А-Д. Гунсенова) / Л. Ц. Малзунова, С. Д.-Н. Малзунова // Генеалогическая культура бурят: современный научно-образовательный дискурс : материалы заочного научного симпозиума с международным участием (г. Улан-Удэ, 19-20 декабря 2009 г.). – Улан-Удэ, 2009. – С. 101–107.

Подписано в печать 20. 02. 2015 г. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100. Заказ 28.

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а